

Въ минуты досуга.

Изъ воспоминаній кровнаго вологжанина *).

IV.

 Гурлевъ былъ страстный любитель гончей охоты и обладалъ чудной собакой «Искрой», красавицей и замѣчательной работницей. «Искра» была чудной гончей, черной масти съ желтыми правильными подпалинами, сытая, сильная, съ густымъ голосомъ; гоняла она тихо, но зайца держала до выстрѣла, какіе бы фортели косою не устраивалъ. Гурлевъ обыкновенно закладывалъ своего рысака въ линейку, мы садились и катили чаще всего къ Троицѣ Подлѣсной (вер. 6 отъ города). Выѣзжали часа въ 2, а въ 3 уже запускали «Искру» въ рѣдоча возлѣ Троицы. Тутъ тоже зайчишекъ было достаточно, и мы за 3—4 часа охоты обыкновенно брали 4—5 штукъ, изрѣдка тетерева или утку. У Гурлева была сторублевая централка Зауера съ чуднымъ боемъ: я не разъ былъ свидѣтелемъ, какъ онъ ухлопывалъ косыхъ на 80—100 шагъ; у меня же въ это время была шомполка неизвѣстнаго прихода съ самодѣльной ложей, доставшаяся старшему брату гдѣ-то на лотереѣ за 20 коп. Въ эту пору я уже стрѣлять кое-какъ умѣлъ и исправно поколачивалъ косыхъ. Одно мнѣ не нравилось въ Гурлевѣ, это какая-то торопливость: онъ бѣгалъ по лѣсу, то и дѣло трубилъ и покрикивалъ, стрѣлялъ по каждому взлетѣвшему тетереву или мелькнувшему зайцу, вообще носился, какъ лось. Впрочемъ, охоту онъ понималъ, стрѣлялъ недурно, а

важное смѣло, и дѣла не портилъ. Возвращались домой мы зачастую до темноты, свѣжіе и довольные охотой. Кромѣ меня, гостями на охотѣ у Гурлева бывали: Женя Гуца (впослѣдствіи купившій «Искру»), какой-то чиновникъ Аванасій Порфирьичъ (по праздникамъ) и очень рѣдко столичный охотникъ Н. М. Высоцкій (инспекторъ какого-то училища въ Гатчинѣ). Мой землякъ Высоцкій былъ вполне спортсменъ: англійскій костюмъ съ пупковатой шапкой, нѣсколько хитроумныхъ сѣтокъ и дорогой (около 200 руб.) Новотни въ рукахъ. Золотое пенснэ и замшевыя перчатки довершали его туалетъ. Дорогой на охоту и обратно онъ показывалъ свое чудное ружье, рассказывалъ о снаряженіи патроновъ, стрѣльбѣ по голубямъ и проч. Все это было для меня «темна вода въ облацѣхъ», ибо тогда увидѣть въ рукахъ охотника централку въ Вологдѣ было также удивительно, какъ застрѣлить бѣлаго дупеля. Дай Богъ, если изъ 200 охотниковъ-горожанъ человѣкъ 15 обладали центральными ружьями.

Конечно, охотясь съ Гурлевымъ, я не забывалъ и кружокъ Горши Ледкова, къ которому опять присоединился уже осенью.

Какъ я уже выше говорилъ, съ Ледковымъ мы всегда забирались верстъ за 12—17 отъ города,—подъ 2-ю Занинскую харчевню, Нагорное, Леушкино, Котельниково и пр. Выступали всегда часовъ въ 7—8 вечера и уже ночью достигали какой-нибудь деревнюшки. Въ такія охоты нерѣдко выхаживали верстъ по 30—40 и ничего, до дому доходили, таща въ добавокъ еще на себѣ зайцевъ. Въ особенности весело было ходить въ Конищевскихъ рощахъ или подъ Нагорнымъ: лѣсъ высокій, чистый, стайка наша такъ варить, бывало, что морозъ по кожѣ идетъ! А сколько увидишь за день шумовыхъ! По правдѣ-то говоря, гонныхъ мало и стрѣляли. Подъ Нагорнымъ же въ густыхъ осинникахъ, въ дождливые дни, попадало много вальдшнепа и бѣлой куропатки, по коимъ мы и открывали кононаду. Главное, мы дружно очень охотились. Я еще забылъ добавить, что въ охотахъ кружка Горши Ледкова въ концѣ 80-хъ годовъ дѣятельное участіе принималъ студентъ Михаилъ

Петровиць Сопощью. Это былъ въ высшей степени покладистый, премилый господинъ, любившій по цѣлымъ днямъ бродить съ нами по лѣсамъ. Онъ былъ очень близорукъ и поэтому рѣдко когда стрѣлялъ по зайцамъ.

V.

Село Куркино считалось однимъ изъ богатѣйшихъ и обширнѣйшихъ подъ Вологдой. Однажды какъ-то въ срединѣ лѣта я получилъ приглашеніе отъ Егоровыхъ, жившихъ здѣсь, пріѣзжать погостить къ нимъ и поохотиться. Надо замѣтить, что Куркино было окружено большими лѣсами, въ которыхъ водилось много всякой дичи. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, я быстро собрался, захватилъ двухстволку и ягдтажъ, небольшой запасъ провизіи и тронулся въ Куркино, до котораго отъ города насчитывали 25 верстъ. Идти было хотя и жарко, но весело: новыя мѣста, до коихъ я былъ такъ падохъ, мнѣ очень понравились, и я не замѣчалъ усталости. Къ вечеру я достигъ намѣченной цѣли. Егоровы мнѣ очень обрадовались и приняли меня весьма любезно. Съ слѣдующаго же дня начались наши шатанія по селу и его окрестностямъ. Село, видимо, было старинной барской усадьбой: хорошенькая церковь, громадный съ колоннами барскій домъ, аллеи, обширный садъ съ оранжереями и теплицами, въ коихъ разводили виноградъ, красивые пруды съ арками, мостиками и островками, масса каменныхъ хозяйственныхъ построекъ и пр.,—однимъ словомъ, было, что посмотреть. Около пасѣки въ 50 ульевъ находилось отдѣльное строеніе «бондарня», гдѣ дѣлались исключительно колоды для новыхъ роевъ. Въ особенности мнѣ понравились пруды, въ которыхъ водилась масса гигантовъ-карасей. Хотя ловля въ этихъ прудахъ и была воспрещена, но мы въ сообществѣ бондаря по ночамъ браконьерничали, вылавливая за три-четыре тони простыней по цѣлому ведру золотистыхъ карасей.

Осмотрѣвъ за два-три дня всѣ закоулки усадьбы, мы принялись за охоту и рыбную ловлю. Въ то время въ Куркинѣ была небольшая стая красноноговъ, принадлежавшая

разнымъ служащимъ. Всего гончихъ было штукъ 10 одного гнѣзда. Стайка эта жила круглый годъ на свободѣ и сама охотилась, какъ хотѣла: уйдетъ пара гончаковъ въ лѣсъ, подыметъ зайца или лисицу и начнетъ жарить; лѣсъ близко, услышатъ остальные, подвоятъ и работаютъ себѣ до ночи. Масть гончихъ была красная, съ черной спиной. Работали онѣ на славу и заганивали до смерти не только косыхъ, но и лисичекъ. Только наканунѣ охоты собакъ ловили и куда-нибудь запирали; безъ этой предосторожности легко было лишиться и охоты. Такъ какъ лѣто было днями очень жаркое, то на охоту мы обыкновенно выходили къ вечеру и гоняли до ночи, преимущественно зайцевъ. Собаки были настолько вязки, что домой съ нами никогда не возвращались, а гоняли до утра. Зайцевъ болѣе всего было въ випускахъ между Куркинымъ и сосѣднимъ селомъ Кузьминскимъ. Кромѣ зайцевъ, подъ селомъ было много тетеревей, бѣлыхъ куропатокъ, рябчиковъ и утокъ, но болѣе всего дикихъ голубей и бѣлокъ. Охотились мы не очень успѣшно, ибо, бродя по 3—4 человекъ, мѣшали другъ другу; всего болѣе платились бѣлки и дикіе голуби, водившіеся въ тѣнистой рошѣ, примыкавшей съ юга къ усадьбѣ. Кромѣ того, успѣшной охотѣ не мало мѣшала и водка, которую по цѣлымъ графинамъ таскали охотники на охоту: такъ какъ ключи отъ заводскаго погреба хранились у винокура. Рыбная же ловля въ Куркинѣ доставила мнѣ истинное наслажденіе. Въ верстѣ отъ усадьбы, въ глубокой лощинѣ находились такъ наз. Спасскіе пруды (2), выкопанные на родникахъ. Вода въ нихъ была проточная, свѣжая и чистая. Въ этихъ прудахъ была когда-то разведена рыба, которая отлично размножалась тутъ и бойко шла на удочку. Тутъ водились: щука и язь, лещъ, окунь, плотва, карась, пескарь, ершъ, уклея, елецъ и даже налимы. По количеству всего болѣе было плотвы. Часть прудовъ была занята осокой и различными водорослями. Ловить рыбу удобно было почти съ cadaго пункта берега, обрытаго насыпью; кромѣ того, на большемъ прудѣ имѣлось два удобныхъ плотика съ бортами и скамейками. Съ помощью шеста легко было разбѣзжать по всему пруду на такихъ плотикахъ и

и удить, гдѣ угодно. Дно въ прудахъ было мѣстами мелчаное, мѣстами иловатое; глубина не превышала 1 арш. Я ловилъ всегда въ уединеніи съ плотика на земного червя и исправно потаскивалъ плотву, подъязиковъ и карасей. Крестьянамъ ловить тутъ воспрещалось, но такъ какъ сторожей у прудовъ не было, то они все-таки тихонько ловили. Какъ теперь помню, при мѣѣ поймали кузнечика изъ сосѣдняго поселка, который за ночь на двѣ удочки умудрился поймать 38 фун. крупной рыбы. Вотъ какіе уловы бывали на симпатичныхъ Спасскихъ прудахъ! За охотой, рыбной ловлей и прогулками незамѣтно пролетѣли двѣ недели моей гостьбы въ красивомъ Куркинѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Л. Александровъ.